

Екатерина Вожик

ДЕТИ «БОЛЬШИЕ» И «МАЛЫЕ»: «ДЕТСКИЙ» ФЕЛЬЕТОН ВАСИЛИЯ СЛЕПЦОВА В КОНТЕКСТЕ ПОЛЕМИКИ О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ВОСПИТАНИИ 1860-Х ГОДОВ

В статье проводится анализ фельетона Василия Слепцова «Весенняя прогулка с детьми по Санкт-Петербургским улицам» (1863), входящего в цикл «Петербургские заметки». Обращенный к передовой молодежи 1860-х гг., этот фельетон рассматривается как свидетельство ведущих в эти годы общественных полемика о роли детства в становлении человека и гражданина, а также поиска наиболее адекватного меняющейся социально-политической действительности способа писать о детях и для детей. Исследование демонстрирует уникальность выбранной Слепцовым литературной формы, которая, с одной стороны, может быть названа фельетоном, а с другой, обнаруживает признаки жанров детской познавательной литературы. Использование такой генеалогически сложной формы может свидетельствовать о сходстве схем рассуждения, к которым обращались литераторы и педагоги в разговоре о подрастающем поколении, будь то дети или молодые взрослые. Обосновывается предположение, что в 1860-е гг. детская литература и дискурс, складывающийся вокруг темы детства, не только испытывали влияние литературы для взрослых читателей и традиции ее критического осмысления. Фельетон Слепцова можно считать примером обратного жанрового трансфера, то есть влияния повествовательных форм, воспринятых и адаптированных детской литературой, на литературу взрослому¹.

Ключевые слова: В. А. Слепцов, фельетон, познавательная литература для детей, литературная критика, педагогическая критика, воспитательная политика

Екатерина Игоревна Вожик

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
e.vozhik@yandex.ru

В апрельском номере «Современника» за 1863 г. был опубликован фельетон Василия Слепцова из цикла «Петербургские заметки», приглашавший читателей совершить весеннюю прогулку по Санкт-Петербуржским улицам. Выбор городской повседневности в качестве предмета описания, вполне традиционный для фельетона, дополняется здесь неожиданной адресацией, очевидным образом разрушающей жанровые конвенции: «Весенняя прогулка...» обращена не ко взрослому читателю «Современника», а к его детям.

Повествователь «Весенней прогулки...» водит юных спутников по Петербургу, обращая их внимание то на прохожих, то на ярмарочные увеселения, то на витрины магазинов: «А в этом магазине книжки продают, разные книжки. В одних книжках написано: „Милые дети! Что вы сидите? Вы пошли бы поиграть!“. А в других написано: „Если ты, щенок, посмеешь не слушаться, я тебя в бараний рог согну!“. Но только первых книжек детям не дают, потому что большие боятся, чтобы дети не зашалили» [Слепцов 1863, 253]².

Этот удивительный фельетон Корней Чуковский назвал «шедевром эзоповой речи» и «одним из самых смелых революционных памфлетов» [Чуковский 1957, 13]. Исследователь убедительно доказал, что Слепцов обращается вовсе не к юным читателям журнала «Современник» — даже если предположить, что такие могли бы существовать. Подлинным адресатом «Весенней прогулки...» является передовая молодежь, к которой в начале 1860-х гг. относит себя Слепцов и которой его имя хорошо известно.

Последовательно «расшифровывая» образы, появившиеся в фельетоне, Чуковский выявляет здесь обличение представителей государственной власти, изображенных в виде посетителей увеселительных заведений, сатирические портреты либеральных министров П. А. Валуева и А. В. Головина — «канатных плясунов и балаганных клоунов», — а также намек на гражданскую казнь В. А. Обручева 1862 г., прямое указание на шпионов и сыщиков, ведущих наблюдение за прохожими, и т. д. [Там же, 14–15]. Фрагмент же, процитированный выше, недвусмысленно намекает на ужесточение цензуры в области печатной продукции.

Наблюдения Чуковского в ходе подготовки слепцовского тома для «Литературного наследия» уточнила М. Л. Семанова. Реконструировав замысел цикла «Петербургских заметок», разрушенного цензурой в процессе корректуры, она раскрыла и другие намеки на конкретные исторические реалии начала 1860-х гг., сделанные Слепцовым в этом фельетоне [Семанова 1963, 153–156].

Представляется однако, что фельетон Слепцова примечателен не только с точки зрения того, как в нем выражен пафос социальной борьбы «молодой России» против консервативных и умеренно-либеральных настроений в обществе, но и как свидетельство ведущейся в 1860-е гг. общественной полемики о роли детства в становлении человека и гражданина, а также поиска наиболее адекватного меняющейся социально-политической действительности способа писать о детях и для детей. Чтобы продемонстрировать это, мы соотнесем «Весеннюю прогулку...» Слепцова с контекстом бытования слова «дети» в сатирической литературе, с отдельными жанрами детской познавательной литературы и с полемикой о детской книге второй половины 1850-х — начала 1860-х гг.

Анализируя формальное устройство «Весенней прогулки...», его жанровые особенности, а также схемы рассуждения, которые используют в разговоре о детстве Слепцов и современные ему литераторы — поколенчески близкие или сочувствующие ему, — мы покажем, что в 1860-е гг. детская литература и дискурс, складывающийся вокруг темы детства, в бинарной системе «взрослое/детское» могли оказываться не только на второстепенных, зависимых позициях, испытывая влияние литературы для взрослых читателей и традиции ее критического осмысления (см. об этом на примере жанра сентиментального травелога, путевого дневника: [Димьяненко 2021] или романтической повести: [Костюхина 2008, 91–100]). Среди прочего мы попытаемся обосновать предположение, что фельетон Слепцова из цикла «Петербургские заметки» можно считать примером обратного жанрового трансфера, то есть влияния повествовательных форм, воспринятых и адаптированных детской литературой, на литературу «протографическую», взрослую.

1

Сравнения взрослых с детьми в журнальной литературе «обличительного», щедринского направления, обретающей популярность в 1850–1860-е гг., — фельетонах, сатирических рассказах, «сценках» и очерках — нередко служат демонстрации несамостоятельности мышления взрослого человека, его незрелости и инфантильности или порочности его природы.

Так, Н. Г. Чернышевский в 1855 г. пишет для библиографического раздела «Современника» яркую фельетонную пародию на переводы из французского сборника «Новые повести, заимствованные из общественной и частной жизни разных народов. Рассказы для

детей», высмеивая их неправдоподобность и сентиментальную интонацию. Герои рецензии Чернышевского — дети, уличенные те тушкой в неблагодарности, — решают не только довольствоваться произведениями, которые сочиняют для них взрослые авторы, но и самим писать повести «для удовольствия больших». Являясь стилистической пародией на современную детскую литературу, статья Чернышевского содержательно пародирует литературу для взрослых читателей (повести Е. Тур, М. В. Авдеева, Д. В. Григоровича и др.) — произведения, написанные, по мнению критика, неумело, по-детски, «самым неправильным языком» [Чернышевский 1949, 655–656; 865–866].

Обращение к «большим детям» появляется у Н. А. Добролюбова в фельетоне «Наука и свистопляска», опубликованном в «Свистке» за 1860 г. Словосочетание «взрослые дети», заимствованное из «Чтения для взрослых детей» (1858–1859) — издания географических и этнографических очерков К. Т. Солдатенкова и Н. М. Щепкина — и называющее здесь подростков, Добролюбов использует для обозначения слушателей ученого диспута между М. П. Погодиным и Н. И. Костомаровым. Начиная выступление, Погодин заявил, что общество «созрело» для решения «нужных и важных вопросов», к числу которых относится вопрос о происхождении русского государства, что было встречено публикой с большим одушевлением. Иронизируя над тем, с какой радостью толпа, подобно ребенку, принимает уверение в собственной зрелости, Добролюбов называет риторический ход Погодина примером «педагогического обращения с взрослыми детьми», а содержание его высказывания — «наградой милым детям» [Добролюбов 1982, 89–92].

Образ «большого» ребенка есть, например, и в прозе М. Е. Салтыкова-Щедрина. Сложным образом устроена фигура адресата в его рассказе «Для детского возраста» из цикла «Невинные рассказы» (1863): используя формальное обращение к детям и употребляя слова из детской речи, щедринский рассказчик вместе тем характеризует реалии, которые знакомы только «взрослым» детям: «Ляля, милый мой ребенок! Не скругляй так своих маленьких ручек, не склоняй так кокетливо головушку на правую сторонушку, не мани так мило Митю Прорехина, ибо Митя не будет вице-губернатором! Скоро придет бука, и всех вице-губернаторов упразднит за ненужностью!» [Салтыков-Щедрин 1965, 79].

Второе значение слова «дети» — представители молодого поколения, демократическая молодежь, — возникающее в фельетоне

Слепцова, актуализируется в поле общественной полемики после выхода романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1862). Показательна карикатура неизвестного художника, предназначавшаяся для печати в декабрьском номере «Гудка», но запрещенная цензурой. На рисунке изображены взрослые обыкновенного роста и взрослые, уменьшенные до роста детей. Последние тянут руки к колоколу, привязанному к верхушке новогодней ели, не обращая внимания на «бонбоньерки», которые висят на нижних ветках. Текст под карикатурой гласит:

— Мама! Мы не хотим бонбоньерок, дай нам игрушку, которая на самом верху. — Ах, какие вы недовольные: папа дает вам такие прекрасные бонбоньерки, а вы требуете игрушку, которая годится только для больших детей. — Не правда ли, какие великолепные цветы на этой бонбоньерке? — Это *eloquentia officiosa* [Слепцов 1963, 165].

Надписи на «бонбоньерках», украшенных «цветами» «любезного» («официального») красноречия («*eloquentia officiosa*» в терминологии латинских риторик), соответствуют названиям правительственных газет и периодических изданий умеренно-либерального направления: «Наше время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Северная пчела», «Северная почта» и др. Изображение же колокола может быть однозначно соотнесено со знаменитым издательским проектом А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

В этой логике «ребенок» оказывается умнее, прогрессивнее и нравственнее «взрослого» человека, приверженного консервативным, косным убеждениям. Разница между двумя значениями слова «дети» становится нагляднее при обращении к рассказам цикла Салтыкова «Для детей», которые печатались в «Отечественных записках» на протяжении 1869 г. и затем частично вошли в «Сказки для детей изрядного возраста» («Повесть о том, как мужик двух генералов прокормил», «Пропала совесть», «Годовщина», «Дикий помещик», «Добрая душа» и «Испорченные дети»). Несмотря на то, что рассказы эти предназначались вовсе не детям, автор продолжил литературную игру, начатую заглавием цикла, в подстрочном примечании к первым его частям, заявив, что впоследствии совместно с Н. А. Некрасовым «предполагает издать книжку для детского чтения, составленную из прозаических рассказов и стихотворений», и помещает «образчики детских рассказов» с намерением узнать мнение публики на их счет [Салтыков-Щедрин 1869, 591]³.

Традиционно считается, что адресатом цикла Салтыкова «Для детей» является демократическая молодежь [Салтыков-Щедрин

1969, 637], однако с уверенностью можно утверждать это только в отношении некоторых произведений, входящих в его состав. Так, эксплицитно адресован «детям» рассказ «Годовщина» (см.: «...вам, милым и умным детям, будет очень скучно, что вас занимают такими разговорами, в которых даже уцепиться ни за что нельзя...» [Салтыков-Щедрин 1969, 348]). В другом же рассказе — «Испорченные дети», — издевательски осмысляющем стиль канцелярско-бюрократической прозы и образ мышления государственного чиновника-администратора, Салтыков-Щедрин создает портрет старшего поколения читателей журнала; несмотря на то, что слово здесь передается детям, об их истинном возрасте можно судить по фамилии: Младо-Сморчковские.

Думается, что два значения слова «ребенок», оказывающегося в одном контексте со «взрослым», не столь удалены друг от друга: в обоих случаях сопоставление детей и взрослых — даже если оно проводится автором, близким к поколению «отцов» (как в случае Тургенева), — призвано поколебать незыблемость положения взрослого человека, задаться вопросом о правильности выбранной им стратегии. В «Весенней прогулке...» Слепцова, реализующей именно эту цель, отчетливо наблюдается сочетание двух описанных здесь тенденций определения слова «дети»: обращаясь к молодому поколению литераторов и общественных деятелей демократического толка, имеющему в его глазах преимущество, Слепцов одновременно с этим в ряде случаев воспроизводит и примитивизированную детскую манеру речи для обличения нравов «взрослых» (см.: «На улице надо быть осторожным. Чуть-чуть было вас не раздавил этот всадник. Видите, как он шибко скачет. У него в сумочке записка лежит, а в записке написано: „Милый Ваня! Пети нет дома. Приходи ко мне играть. Твоя Люлю“» [167]).

2

«Весенняя прогулка...» не менее интересна и тем, что ее автор в обращении к «большим» детям использует готовые жанровые формы и жанрово-стилистические клише, утвердившиеся в детской литературе и успевшие стать в 1860-е гг. объектом критического осмысления.

Рассматриваемый нами фельетон, что следует из его заглавия и содержания, ориентирован на жанр «прогулки» как одной из форм нравоучительно-познавательной детской литературы 1830–1860-х гг., предлагающей детям совершить умозрительное путешествие по удаленным местам. Произведения в жанре

«прогулки» (promenade) распространяются в Европе во второй половине XVIII в., под влиянием поздних сочинений Ж.-Ж. Руссо, а к концу века получают известность и в России [Д'Амелия 2007, 202–207; Конечный 2021]. Если ранние «прогулки» были основаны на полном исключении социального взаимодействия и описывали удаленные от города места [Шенле 2004, 81–82], то впоследствии, в годы популярности «физиологического» очерка, наличие городского пейзажа становится одной из узнаваемых особенностей этого жанра.

Многочисленные «прогулки» и «путешествия» с детьми появляются еще в 1820–1830 гг.: хорошо известны, например, книги В. П. Бурнашева («Прогулка с детьми по земному шару» (1836), «Прогулка с детьми по России» (1837), «Прогулка с детьми по С.-Петербургу и его окрестностям» (1838)). К 1860-м гг. «прогулки» испытывают влияние популярных жанров взрослой литературы (этнографических очерков, повестей «из русской жизни» и др. [Хеллман 2016, 113–127; 137–142]): следы этого влияния заметны, например, в изданиях «Путешествие с детьми по всем странам света, не выходя из комнаты» (1858) или «Путешествия по разным странам мира» (1860) А. Е. Разина, манера изложения которых отличается наукообразностью и сухой фактологичностью.

Вместе с тем фельетон Слепцова не просто воспроизводит признаки жанра «прогулки», но осмысляет его в пародийном ключе:

Видите, уже начинают чинить мостовые, возят грязь и городской с пистолетом глядит за порядками. Но вы не бойтесь, милые дети, он стрелять в нас не будет. Законом строго запрещается стрелять в проходящих, особливо если они ведут себя смирно. К тому же и пистолет его не заряжен; он служит только атрибутом его звания и означает власть. Знаете, как Юпитер изображается с громом? Греки огнестрельного оружия не знали, а не то они, верно, изобразили бы Юпитера с пистолетом в руке [166].

Изображая городского в виде мифологического персонажа, Слепцов травестирует дидактический прием, используемый во многих детских книгах по мифологии и античной истории, где описываются внешний облик и атрибуты того или иного бога (например, «Мифология в рассказах для детей» (1859) Ж. Р. Ламе-Флери).

Чаще всего в качестве приема беллетризации повествования в текстах-«прогулках» использовалась форма нравоучительной беседы, утвердившаяся в отечественной традиции не в последнюю очередь благодаря новиковскому «Детскому чтению для сердца

и разума»⁴. Жанр нравоучительных бесед вновь входит в моду и получает распространение в конце 1850-х — начале 1860-х гг. Собеседниками любознательных детей, начинающих познавать мир, становятся отец, воспитатель, старший товарищ или — в «женском» варианте — мать («Беседы матери с детьми в часы отдохновения после учения» (1853)) или бабушка («Бабушкины уроки, или Русская история в разговорах для маленьких детей» (1859) А. О. Ишимовой).

Хотя в «Весенней прогулке...» Слепцов и не дает слова «детям», отдельные реплики его фельетонного персонажа словно бы служат ответом на неслышно задаваемые ему вопросы. Повествователь принимает на себя роль не учителя, но старшего товарища, доверительно сообщающего детям то, что успел узнать о жизни сам: «Я бы очень желал рассказать вам кое-что о разных замечательных зданиях, но во время прогулки это не совсем удобно: здесь так много любопытных» [166]. Вместе с тем Слепцов обращается к «объяснительной» манере повествования, характерной для детской познавательной литературы, не для того, чтобы в самом деле сообщить читателю нечто доселе тому не известное. Можно предположить, что эта манера используется фельетонистом в качестве приема «остранения» — с намерением продемонстрировать порочность государственного и общественного устройства, а также искусственность, неестественность «взрослой» жизни и необходимость пересмотра оснований, по которым она строится:

Вы знаете, что такое чиновник? Этакой дом есть большой, в доме стоят столы, а за этими столами сидят люди и всё пишут. Придет к ним начальник и скажет: «Напишите так, как я приказываю». Они напишут. А потом придет другой начальник и скажет: «А теперь пишите так, как я приказываю» — они опять напишут. А когда эти люди придут домой, то возьмут своих детей за уши и скажут им: «Мы отечеству служим, а вы этого не чувствуете. Становитесь на колени!» [166–167].

Одновременно «Весенняя прогулка...» как часть цикла «Петербургские заметки» включается в традицию городского фельетона. С жанром фельетона детская познавательная литература сближается прагматически: он сообщает читателям о жизни города, событиях театрального мира, новейших литературных произведениях, — нередко в беллетризованной форме, с включением элементов диалога между фельетонным рассказчиком и другими персонажами или описаний умозрительных прогулок, в том числе совершаемых в пространстве художественного произведения (см. подроб-

нее: [Вожик 2023]). Фельетон и жанры познавательной литературы роднит также особая оптика — стремление «показывать» мир как совокупность различных феноменов, представлять его в виде сценки или панорамы. Несмотря на то, что детские иллюстрированные издания энциклопедического содержания выходили и раньше («Гостинец прекрасным малюткам» (1821), «Малютка экономка, или Добрая дочь» (1824), «Разговоры отца с детьми» (1839), «Разговоры нянюшки с детьми» (1840), «Разговоры о природе» (1840) и др.), во второй половине 1850-х гг. идея наглядности получает теоретическое обоснование в педагогике.

В соответствии с методой «наглядного обучения», считающейся в эти годы одной из самых эффективных [Ушинский 1861, V–VI], составители многочисленных энциклопедических и развивающих пособий стремятся сопровождать тексты статей графическими или красочными иллюстрациями. Таковы, например, «Ремесленники» (1856) В. Генкеля, «Мир в картинах, или Краткое изображение и описание главнейших предметов из домашнего быта, царств: животного и растительного» (1859) М. Н. Яблонского или знаменитые «Беседы с детьми» (1858–1860) А. А. Пчельниковой, устроенные по образцу широко известного французского издания «Revue de l'éducation nouvelle» (1848–1854). Так, «Беседы...» Пчельниковой знакомят детей с внутренним устройством кухни, столярной мастерской, булочной, объясняют, что представляет собой радуга или чем отличаются друг от друга птицы разных видов; во всех случаях текст дополняют иллюстрации с изображением описываемых в тексте предметов, явлений или живых существ. С устройством же города и его обитателями знакомит юных читателей книга «Все в картинах. Наглядная энциклопедия для детей» (1862–1863) К. Ф. Лаукхарда.

«Энциклопедизм» «Весенней прогулки...» удивительным образом сочетается с ее иносказательностью. Фельетон Слепцова требует от читателя особой внимательности, способности выявить несоответствие плана выражения плану содержания и наводит на мысль об ориентации Слепцова на традиционно детский жанр загадки или притчи (см. указание на эту конвенцию у Добролюбова: «Басенки и притчи дают только детям...» [Добролюбов 1962, 422]). Думается, что сочетание этих в некотором смысле противоположных повествовательных форм становится возможным не в последнюю очередь за счет обращения к жанру фельетона, для которого почти обязательны элементы языковой игры, трагедии, мистификации [Зыкова 2005, 78–94].

М. Ямпольский устанавливает связь между литературными жанрами, основывающимися на описании городской жизни, документальном наблюдении за окружающим миром, и аллегорией. По мнению исследователя, в литературе второй четверти XIX в., когда эти жанры впервые получили широкое распространение, активно разрабатывалась особая семиотическая система, «где человек выступает в виде своего рода знака, означающее которого (походка, манеры, мимика, одежда) далеко не всегда отражает существо означаемого» [Ямпольский 2012, 25]. Требуется интеллектуальное усилие, разгадывания, индивидуального постижения и характер городской среды в целом. М. В. Отрадин отмечает стремление авторов, описывающих городские впечатления в 1850–1860-е гг., постичь суть увиденного в действительности с помощью воображения, домысливания. Эту тенденцию исследователь обнаруживает и в отдельных очерках, «сценах» Слепцова: по словам Отрадина, литератор демонстрирует свободу в способе изображения городской жизни, причудливым, не поддающимся традиционной логике образом совмещая наблюдения над действительностью [Отрадин 2012, 325–326].

Действительно, в «Весенней прогулке...» Слепцов использует прием, выработанный им в ходе работы над ранними очерками («Владимирка и Клязьма», «Письма об Осташкове» и др.): совмещая несущественные на первый взгляд детали в жанре этнографического очерка, Слепцов строит полемическое высказывание, содержание которого формируется в сознании читателя, но в тексте прямо не явлено [Брумфилд 2009, 187–192]. Именно об этом, в частности, пишет Салтыков-Щедрин, характеризуя слепцовские «Письма об Осташкове»:

Посредством болтовни можно восстановить физиономию не только известного лица, но даже целого города, целого общества. ...за всей этой непроходимой ахинеей читателю воочию сказывается живая жизнь целого города с его официальной приглаженностью и внутреннею неумытостью, с его официальным благосостоянием и внутреннею нищетою и придавленностью... [Салтыков-Щедрин 1966, 265].

Сложная жанровая природа «Весенней прогулки...», сочетающей элементы документальности и вымысла, форм «детского» и «взрослого» письма, может быть обусловлена не только желанием Слепцова обойти цензуру и одновременно включиться в контекст актуальной полемики о поколениях «отцов» и «детей». Нам представляется, что литератор обращается к модели детской познава-

тельной литературы потому, что обнаруживает параллели между выбранным им способом говорить о передовой молодежи и критическим дискурсом, характеризующим в 1860-х гг. детскую литературу, психологию и воспитание ребенка. Попробуем развить эту мысль.

3

С начала 1860-х гг. детское чтение начинают контролировать правительственные ведомства и разнообразные общественные объединения, созданные по инициативе педагогов, писателей и издателей, а литература, предназначенная для детей, становится предметом обсуждения в педагогической критике (см.: [Лучкина 2012]). В 1862 г. появляется первый систематический указатель детских книг Ф. Г. Толля «Наша детская литература», содержащий советы для «практических воспитателей», которые хотели бы ориентироваться в круге современной книжной продукции для детей.

По мысли Толля, многие взрослые участники воспитательного и образовательного процесса (родители, учителя, авторы сочинений для детей, книгоиздатели и др.) допускают в своей деятельности грубые ошибки. Так, вместо того чтобы приобщать ребенка к действительному ходу жизни, некоторые педагоги самим выбором книг для детского чтения помещают своих воспитанников в «фантастическую» реальность, якобы более подходящую юному возрасту, и тем самым навязывают им неестественную логику вещей, явлений и событий. Важно между тем помнить, что «логика детского ума ничем не разнится, ни количественно, ни качественно, от логики ума взрослых людей. Что глупо для взрослого человека, то глупо и для дитяти» [Толль 1862, 9]. Наконец, решительно порицая «недозревшие создания книжной спекуляции, появившиеся на свет по заказу и к спеху», а также книги, «в которых детям дается за истину совершенно ложный взгляд на мир» [Там же, 4–5], Толль указывает на недобросовестность и безграмотность деятелей книжного рынка, «слепых вождей слепых» [Там же, 6].

Высказывания о том, что литература для детей сильно отстает от современных взглядов на мир и, более того, не желает их учитывать, делают и главнейшие критики конца 1850-х — первой половины 1860-х гг., сторонники социально-демократической идеологии, разделяемой Слепцовым (круг «Современника», а также «Русского слова» при Г. Е. Благовестовле и Д. И. Писареве).

Н. А. Добролюбов в обзоре детских журналов за 1859 г. упрекает редакцию журналов «Звездочка» и «Лучи» за отсутствие мысли о «современном движении идей», которые получили распространение «у нас и в Европе», и за «высшие отвлеченности и идеальные стремления, не имеющие практической применимости» [Добролюбов 1962b, 491]. «Нравоучительные анекдоты», вкуче с искусственно сконструированными, функционально обусловленными персонажами-«куколками», «изобретенными схоластической дидактикой» (*нетерпеливый Ванечка, рассеянный Гриша* и т. п.), по мнению критика, «никогда не заинтересуют умных детей» [Там же, 491–492].

На страницах добролюбовских статей не раз возникает фигура умного ребенка, «существа чувствующего и мыслящего» [Добролюбов 1962a, 163], натуре которого противны «пошлые нежности и ненужные обращения к „милым детям“» [Добролюбов 1963, 75]. Задачей современного воспитания, таким образом, становится «возможно полное и правильное развитие личной самостоятельности ребенка и всех духовных сил, заключающихся в его натуре» [Добролюбов 1962b, 500]. Помощником в этом может выступить литература:

Не отвлеченно-моральные сентенции, не фантастические бредни, не умиленные разглагольствия должны теперь наполнять страницы детских книг; в них должны сообщаться положительные сведения о мире и человеке, рассказы из действительной жизни, разъяснение тех вопросов, которые теперь волнуют общество и встретят нынешних детей тотчас, как только они вступят в жизнь... [Там же, 500–501].

Похожим образом характеризует ошибки, совершаемые воспитателями детей, Писарев. Во множестве статей критик проводит мысль о том, что умный и талантливый от природы ребенок не всегда бывает понят взрослыми, проявляющими недостаточно ума, чуткости и нравственного чувства. В соответствии с широко распространенными в это время педагогическими установками, важно учитывать постепенно обнаруживающиеся наклонности детей, особенности развивающегося характера — чего воспитатели «старой» школы или недалёковидные родители не берут во внимание, действуя «повелительным тоном, холодным или резким обращением» и «пунудительными средствами» [Писарев 2000, 256] или, напротив, проявляя деспотическую любовь и заботу, не знающие разумных пределов.

Такое представление о детской психологии применяется Писаревым и к анализу литературных произведений: критик склонен объяснять несостоятельность отдельных литературных персонажей особенностями их воспитания. Именно неправильным воспитанием, по мнению Писарева, обусловлено неумение Ильи Ильича Обломова вести самостоятельную жизнь и добиваться желаемого: «...он провел детство под любящим, но неосмысленным надзором совершенно неразвитых родителей, наслаждавшихся в продолжение нескольких десятков лет полною умственной дремотою» и подавлявших в маленьком Илюше «порывы резвости, свойственные детскому возрасту, и движения любознательности» [Там же, 293].

Используя эту логику, Писарев реконструирует детские годы тургеневского Рудина, а также Эльчанинова и Шамилова — персонажей А. Ф. Писемского: «Они должны сказать: мы — лишние люди, нас нельзя пристроить ни к какому делу, но если бы нас иначе воспитывали в детстве и иначе направляли в молодости, мы, может быть, не бременили бы собою земли и не относились бы к копителям неба и к чужеродным растениям» [Писарев 2001, 257]. А раннее увядание сильных от природы женских натур — Веры, героини «Фауста», и Лизы из «Дворянского гнезда» — Писарев связывает с тем, что героини «искусственно заморожены воспитанием», «заражены с детства миазмами нашей домашней атмосферы» [Там же, 373].

Вину за появление «лишних», не находящих применения своим талантам людей — как в литературе, так и в реальности — Писарев, таким образом, возлагает на старшее поколение, не сумевшее воспитать детей должным образом, то есть познакомить их с действительной жизнью. В этом контексте становится понятным яростное выступление критика против специально «детской», сентиментально-заискивающей интонации в произведениях, обращенных к детям: «Специально детская литература всегда и везде составляет и будет составлять одну из самых жалких, самых ложных и самых ненужных отраслей общей литературы» [Писарев 2003, 395]. Юному читателю, достигнувшему достаточного уровня развития, Писарев рекомендует читать то же, что и взрослому: оба они живут в одной и той же действительности и оказываются равны перед ней.

Эта критика, направленная преимущественно против детских писателей, с течением времени начинает оказывать влияние и на педагогический дискурс 1860-х гг., в рамках которого ведутся активные дискуссии, посвященные реформе образования (1863–1864).

Педагоги, — в первую очередь, те, кто придерживается принципов демократической педагогики и выступает за реальный тип образования (В. Я. Стоюнин, В. И. Водовозов и др.), — также указывают на необходимость того, чтобы обеспечивать ребенку непосредственный доступ к живой современности, давать ему опыт практической и общественно-политической жизни, напроць отсутствующий у детей предшествующих поколений (см. у М. А. Антоновича: «...ни школа, ни жизнь не служат для нас политической школой; ни та, ни другая не развивают в нас чувства общности, живого сознания тесной связи с солидарности с целым обществом, со всей совокупностью его членов» [Антонович 1867, XXII]) [Вдовин, Зубков 2020].

Содержание этих дискуссий было хорошо известно Слепцову. В 1863 г. «Современник» публикует «Педагогические беседы» А. А. Слепцова, двоюродного брата писателя, посвященные обоснованию преимуществ реального направления в педагогической теории и принципам антропологической идеи воспитания. Слепцов также был вхож в дом Водовозовых и выступал на вечерах, организованных Василием Ивановичем и Елизаветой Николаевной, а нередко и сам, еще до основания знаменитой коммуны, проводил литературные встречи и образовательные лекции, в ходе которых высказывался о женской эмансипации и народном просвещении (см. об этом, например, в воспоминаниях Водовозовой: [Водовозова 1987]).

Той же логикой, в соответствии с которой авторитет традиции и старшего поколения ставится под сомнение, Слепцов руководствуется в статье «О журналистике» (1864), не допущенной к печати. Здесь писатель прямо отнесет себя и своих товарищей к молодому поколению, вынужденному противостоять «старцам» — «лжепророкам», с одинаковой легкостью провозглашающим пользу наук и вред просвещения:

Странная судьба выпала на долю нашему поколению; никакая практическая истина не давалась нам просто, в том виде, как выработывалась она самую жизнью. <...> Но мы были слишком молоды в то время и, несмотря на то, что ложь и обман окружали нас с самого раннего детства, несмотря на то, что мы ежеминутно спотыкались и падали о подставляемые нам разными старцами ножки, нам все-таки хотелось верить. <...> ...Белая полоска показалась на небе; мы проснулись на своих школьных кроватях и сказали друг другу: светает, братцы, вставайте! Веселая дрожь пробежала по телу; мы встали; а заря занялась; подул ветерок. На рассвете пришли бежавшие из Мекки пророки

и тут же, сняв ветхие одежды свои и облачившись в новые, сели на места уготованные и стали нам вещать о свободе. Мы так и замерли... За ними следом пришли другие, потом еще и еще; и все они заговорили о правде, о любви к человеку, о пользе наук, о вреде откупов. Но коварные скрыли от нас, что до бегства своего из Мекки они там точно так же вещали о пользе плетей, о вреде просвещения... [Слепцов 1963, 321–322].

Точно так же в «Петербургских заметках» Слепцов указывает на моральное превосходство «детей» над «родителями». «Взрослый» читатель, к которому фельетонный повествователь обращается в начале «Весенней прогулки...», предстает здесь не просто неразумным, заблуждающимся существом, но последним грешником, глубоко порочным человеком, «легковерным посетителем» уличного балагана:

...я обличу тебя. Обличу хладнокровно, бесстрастно, рисуя одну за другой картины твоего беспутства в назидание твоим детям. Я покажу им тебя во всей форме, во всей нагой красоте твоей; я разоблачу перед ними богов, которым ты куришь фимиамы. Твои дети увидят тебя, воруемого и прелюбых творящего, лгущего, доносящего и завидующего скотам твоего ближнего. С омерзением отвернутся от тебя твои собственные дети и не пойдут за тобой [165–166].

«Дети» же оказываются не только нравственнее, но и пронительнее, мудрее представителей старшего поколения — и потому получают в фельетоне высокую характеристику: «Мне будет легко говорить с вами, потому что вы понимаете многое гораздо лучше, нежели как думают ваши родители» [166]. Однако молодого человека, как и маленького ребенка, необходимо «воспитывать», включать в процесс индоктринации: сообщать достоверные сведения о мире, об опасностях, которые он таит, указывать на возможности его преобразования и ободрять. Эту «воспитательную» функцию и выполняет «Весенняя прогулка...» Слепцова.

Подведем итоги: фельетон Василия Слепцова, обращенный все не к детям, а к людям, чья молодость пришлась на начало 1860-х гг., тем не менее оказывается в контексте полемики о воспитании и литературе для детей и учитывает актуальные ее жанры, продолжая, в сущности, размышления критиков детской литературы.

Процитированный в начале статьи фрагмент не только свидетельствует о несвободе слова и цензуре, преследующей вольнодумство, но и описывает два типа воспитательной политики и, соответственно, два дискурса, распространенных в детской литературе, облик которой сложился к 1860-м гг. В то время как первый соотносится с запретом на любые проявления самостоятельности мышления («Если ты, шенок, посмеешь не слушаться, я тебя в бараний рог согну»), то второй постулирует необходимость участия в общественной жизни («Милые дети! Что вы сидите? Вы пошли бы поиграли»).

Слепцов был не единственным автором, в начале 1860-х гг. осмыслившим многозначность слова «дети», — уникальной является выбранная им литературная форма, которая, с одной стороны, может быть названа фельетоном, а с другой, обнаруживает признаки детской познавательной литературы, обретшей с конца 1850-х гг. новую популярность и применяющейся в «наглядном» обучении. Это неожиданное заимствование указывает на то, что детская литература, становясь предметом обсуждения авторитетных писателей из журнальной среды, начинает оказывать на нее непосредственное влияние, в том числе на уровне повествовательной формы. Кроме того, обращение Слепцова к жанру «прогулки» может свидетельствовать и о сходстве объяснительных моделей, которые использовали литераторы и педагоги в рассуждениях о подрастающем поколении, будь то дети или молодые взрослые.

Сталкивая формальные признаки детской литературы с не соответствующим ей содержанием, Слепцов обличает противостоимость модели общества, в котором молодое поколение вынужденно уступает авторитету старшего, дискредитировавшего себя аморальными или бездумными поступками в частной, профессиональной и политической жизни. Точка зрения фельетониста находит соответствие в современной ему педагогической и литературной критике: взрослые люди, пишущие о детях или для них, не могут претендовать на абсолютное знание и должны быть требовательнее к содержанию своего высказывания.

Продолжая размышления о «Весенней прогулке...», мы могли бы прочитать фельетон Слепцова и как политическое высказывание, прозвучавшее в контексте дискуссии о самодержавии и национальном представительстве: самодержавная форма правления, пришедшая на годы «детства» и «взросления» империи — дореформенную эпоху, — должна уступить место «взрослому» политическому устройству, т. е. конституционному строю. В позиции

ребенка в рамках этой дискуссии оказывается не одно молодое поколение, а все русское общество и даже «русский народ». Впрочем, развитию этой мысли может и должно быть посвящено отдельное исследование.

Примечания

- ¹ Автор выражает сердечную благодарность за дружеское участие и ценные советы коллегам из Лаборатории цифровых исследований литературы и фольклора и Центра исследований детской литературы ИРЛИ РАН, а также рецензентам, высказавшим концептуальные соображения о познавательной литературе для детей и полемике о детстве 1860-х гг.
- ² То же см. в: [Слепцов 1963, 166]; далее при цитировании этого издания в квадратных скобках приводятся только номера страниц.
- ³ Цитируется по тексту первого издания (журнальному).
- ⁴ См. опубликованные на его страницах беседы Добросерда с детьми, а также «Разговор между отцом и сыном о том, для чего в свете одни бедны, а другие богаты» Кампе или «Переписка отца с сыном о деревенской жизни» (см.: [Привалова 1976; Maslinskaia, Thibonnier 2024]; из последних работ об этом нарративном приеме: [Казакова 2023]).

Литература

Источники

Антонович 1867 — Антонович М. А. Предисловие // Новейшее образование, его истинные цели и требования: Сборник статей, в защиту научного воспитания проф-в Тиндаля, Даубени и др. / сост. Э. Юманс. СПб.: Русская книжная торговля, 1867. С. I–XXVIII.

Водовозова 1987 — Водовозова Е. Н. На заре жизни; Мемуарные очерки и портреты: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1987.

Добролюбов 1962a — Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4: Статьи и рецензии. Январь–июнь 1859 / под общ. ред. Б. И. Бурсова и др. М.; Л.: ГИХЛ, 1962.

Добролюбов 1962b — Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5: Статьи и рецензии. Июль–декабрь 1859 / под общ. ред. Б. И. Бурсова и др. М.; Л.: ГИХЛ, 1962.

Добролюбов 1963 — Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6: Статьи и рецензии. 1860 / под общ. ред. Б. И. Бурсова и др. М.; Л.: ГИХЛ, 1963.

Добролюбов 1982 — Добролюбов Н. А. Наука и свистопляска // Свисток: Собрание литературных, журнальных и других заметок: Сатирическое приложение к журналу «Современник», 1859–1863 / изд. подгот. А. А. Жук, А. А. Демченко. М.: Наука, 1982. С. 82–97.

Писарев 2000 — Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 1: Статьи и рецензии (1858–1859) / редкол.: Ф. Ф. Кузнецов (гл. ред.) и др. М.: Наука, 2000.

Писарев 2001 — Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 3: Статьи и рецензии 1861 (июнь–декабрь). М.: Наука, 2001.

Писарев 2003 — Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7: Статьи, 1865 (январь–август). М.: Наука, 2003.

Салтыков-Щедрин 1869 — Салтыков М. Е. (Щедрин). Для детей // Отечественные записки. 1869. № 2. Отд. I. С. 591–617.

Салтыков-Щедрин 1965 — Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 3: Невинные рассказы. 1857–1863. Сатиры в прозе. 1859–1862 / редкол.: С. А. Макашин (гл. ред.) [и др.]. М.: Художественная литература, 1965.

Салтыков-Щедрин 1966 — Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 5: Критика и публицистика. 1856–1864. М.: Художественная литература, 1966.

Салтыков-Щедрин 1969 — Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 7: Признаки времени. Письма о провинции. Для детей. Похвала легкомыслию. Итоги. 1863–1871. М.: Художественная литература, 1969.

Слепцов 1863 — [Слепцов В. А.] Петербургские заметки // Современник. 1863. № 4. Отд. II. С. 249–256.

Слепцов 1963 — Василий Слепцов. Неизвестные страницы / [ред. С. А. Макашин; вступ. статья К. И. Чуковского]. М.: Издательство АН СССР, 1963. (Литературное наследство; Т. 71).

Толль 1862 — Толль Ф. Г. Наша детская литература: Опыт библиографии современной отечественной детской литературы, преимущественно в воспитательном отношении. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1862.

Ушинский 1861 — Детский мир и хрестоматия: книга для классного чтения, приспособленная к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы: (назначается для детей от 8 до 12 лет) / сост. К. Ушинский. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1861.

Чернышевский 1949 — Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. II: Статьи и рецензии. 1853–1855 / под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина, П. И. Лебедева-Полянского и др. М.: ГИХЛ, 1949.

Исследования

Брумфилд 2009 — Брумфилд У. К. Социальный проект в русской литературе XIX века. М.: Три квадрата, 2009.

Вдовин, Зубков 2020 — Вдовин А. В., Зубков К. Ю. Генеалогия школьного историзма: литературная критика, историческая наука и изучение словесности в гимназии 1860–1900-х годов // Новое литературное обозрение. 2020. № 4 (164). С. 161–176. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/164_nlo_4_2020/article/22576/.

Вожик 2023 — Вожик Е. И. Фельетоны журнала «Современник» и формирование публичной сферы в 1850-е годы // Институты литературы в Российской империи: коллективная монография / сост. и отв. ред. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков. М.: Издательский дом ВШЭ, 2023. С. 151–173.

Д'Амелия 2007 — Д'Амелия А. Тексты-прогулки и панорамы в русской культуре начала XIX в. // Евроазиатский межкультурный диалог: «Свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры / под ред. О. Б. Лебедевой. Томск: Издательство Томского университета, 2007. С. 202–222.

Димьяненко 2021 — Димьяненко А. А. «Первый труд неопытной писательницы»: Е. П. Привалова о книге М. Гладковой // Детские чтения. 2021. № 2 (20). С. 230–257. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-2-20-230-257.

Зыкова 2005 — Зыкова Г. В. Поэтика русского журнала 1830–1870. М.: МАКС Пресс, 2005.

Казакова 2023 — Казакова Е. О. Герой-просветитель и меняющиеся модели передачи знания в советской детской нонфикшен-литературе 1920-х годов // Детские чтения. 2023. № 2 (24). С. 408–427. DOI: 10.31860/2304-5817-2023-2-24-408-427.

Конечный 2021 — Конечный А. М. «Путешествия» и «прогулки» по Невскому проспекту // Конечный А. М. Былой Петербург: проза будней и поэзия праздника. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 245–269.

Костюхина 2008 — Костюхина М. С. Золотое зеркало: русская литература для детей XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2008.

Лучкина 2012 — Лучкина О. А. Силуэты руководителей детского чтения: священник, министр, генерал и другие // Детские чтения. 2012. № 2 (2). С. 115–135. URL: <https://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/28>.

Отрадин 2012 — Отрадин М. В. «На пороге как бы двойного бытия...»: о творчестве И. А. Гончарова и его современников. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012.

Привалова 1976 — Привалова Е. П. Социальная проблема на страницах журнала Новикова «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. Сборник 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л.: Наука, 1976. С. 104–112.

Семанова 1963 — Семанова М. Л. Цикл фельетонов для «Современника» (1863) // Василий Слепцов. Неизвестные страницы / [ред. С. А. Макашин; вступ. статья К. И. Чуковского]. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 153–162. (Литературное наследство; Т. 71).

Хеллман 2016 — Хеллман Б. Сказка и быль: история русской детской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Чуковский 1957 — Чуковский К. И. В. А. Слепцов, его жизнь и творчество // Слепцов В. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1957. С. 3–39.

Шенле 2004 — Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. СПб.: Академический проект, 2004.

Ямпольский 2012 — Ямпольский М. Наблюдатель: очерки истории видения. СПб.: Мастерская СЕАНС, 2012.

Maslinskaya, Thibonnier 2024 — Maslinskaya S., Thibonnier L. The Reception of Christian Felix Weisse in Russia: Sources of The Children’s Readings for Heart and Mind // Christian Felix Weißes Werk im europäischen Kontext / hrsg. F. Genton, S. Schmideler und T. Zille. Leipzig, 2024. (In print).

References

Brumfeld 2009 — Brumfield, W. C. (2009). Social’nyj proekt v russkoj literature XIX veka [The Social Project in Russian Literature of the 19th]. Moscow: Tri kvadrata. (In Russian).

Chukovskij 1957 — Chukovskij, K. I. (1957). V. A. Slepcev, ego zhizn’ i tvorchestvo [Vasily Sleptsov, His Life and Work]. In V. A. Slepcev, Sochinenija [Work] (vol. 1, pp. 3–39). Moscow: State Publishing House of Literature.

D’Amelia 2007 — D’Amelia, A. (2007). Teksty-progulki i panoramy v russkoj kul’ture nachala XIX v. [Walks and Panoramas in Russian Culture of the early 19th century]. In O. B. Lebedeva (Ed.), Evroziazitskij mezhkul’turnyj dialog: “Svoe” i “chuzhoe” v nacional’nom samosoznanii kul’tury: Sbornik statej [Eurasian Intercultural Dialogue: The Inside and the Outside in the National Consciousness of Culture: A Collection of Articles] (pp. 202–222). Tomsk: Izdatel’stvo Tomskogo universiteta.

Dimianenko 2021 — Dimianenko, A. A. (2021). “Pervyj trud neopytnoj pisatel’nicy”: E. P. Privalova o knige M. Gladkovej [“The First Work of an Inexperienced Writer”]. Ekaterina Privalova about the Book by M. Gladkova]. Detskie chtenia, 2 (20), 230–257. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-2-20-230-257.

Hellman 2016 — Hellman, B. (2016). Skazka i byl’: Istoriya russkoj detskoj literatury (1574–2010) [Fairy Tales and True Stories: the History of Russian

Literature for Children and Young People (1574–2010)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Jampol'skij 2012 — Jampol'skij, M. (2012). Nabljudatel'. Očerki istorii videnija [Observer. Essays on the History of Vision]. Saint Petersburg: Masterskaja SEANS.

Kazakova 2023 — Kazakova, E. O. (2023). Geroj-prosvetitel' i menjajushhiesja modeli peredachi znanija v sovetsoj detskoj nonfikshen-literature 1920-h godov [The Enlightening Hero and Changing Models of Knowledge Transfer in Soviet Children's Nonfiction Literature of the 1920s]. *Detskie chtenia*, 2 (24), 408–427. DOI: 10.31860/2304-5817-2023-2-24-408-427.

Konechnyj 2021 — Konechnyj, A. M. (2021). “Puteshestviya” i “progulki” po Nevskomu prospektu [“Travels” and “Walks” along Nevsky Prospekt]. In A. M. Konechnyj, *Byloj Peterburg: proza budnej i poeziya prazdnika* [Former Petersburg: The Prose of Everyday Life and the Poetry of the Holiday] (pp. 245–269). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Kostyuhina 2008 — Kostyuhina, M. S. (2008). Zolotoe zerkalo: Russkaya literatura dlya detej XVIII–XIX vekov [Golden Mirror: Russian Literature for Children of the XVIII–XIX centuries]. Moscow: OGI.

Luchkina 2012 — Luchkina, O. A. (2012). Silujety rukovoditelej detskogo chtenija: svjashhennik, ministr, general i drugie [Silhouettes of the Leaders of Children's Reading: Priest, Minister, General and Others]. *Detskie chtenia*, 2 (2), 115–135. Retrieved from: <https://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/28>.

Maslinskaya, Thibonnier 2024 — Maslinskaya, S., Thibonnier, L. (2024). The Reception of Christian Felix Weisse in Russia: Sources of The Children's Readings for Heart and Mind. In F. Genton, S. Schmideler, T. Zille (Hrsg.), *Christian Felix Weißes Werk im europäischen Kontext*. Leipzig. (In print).

Otradin 2012 — Otradin, M. V. (2012). “Na poroge kak by dvojnogo bytija...”: O tvorčestve I. A. Gončarova i ego sovremennikov [“On the Threshold of a Kind of Double Existence...”: About the Work by Ivan Goncharov and His Contemporaries]. Saint Petersburg: Faculty of Philology of Saint Petersburg State University.

Privalova 1976 — Privalova, E. P. Social'naja problema na stranicah zhurnala Novikova “Detskoe chtenie dlja serdca i razuma” [A Social Problem on the Pages of Novikov's Magazine “Children's Reading for Heart and Mind”]. In XVIII vek. Sbornik 11: N. I. Novikov i obshhestvenno-literaturnoe dvizhenie ego vremeni [XVIII century. Vol. 11: Nikolaj Novikov and the Social and Literary Movement of His Time] (pp. 104–112). Leningrad: Nauka.

Schönle 2004 — Schönle, A. (2004). Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoj literatury puteshestvij. 1790–1840 [Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey. 1790–1840]. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt. (In Russian).

Semanova 1963 — Semanova, M. L. (1963). Cikli fel'etonov dlja "Sovremennika" (1863) [A Series of Feuilletons for *Sovremennik* (1863)]. In Vasilij Slepcov. Neizvestnye stranicy [Vasily Sleptsov. Unknown Pages] (pp. 153–162; Literary Heritage. Vol. 71). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences.

Vdovin, Zubkov 2020 — Vdovin, A. V., Zubkov, K. Yu. (2020). Genealogiya shkol'nogo istorizma: literaturnaya kritika, istoricheskaya nauka i izučenie slovesnosti v gimnazii 1860–1900-h godov [The Genealogy of School Historicism: Literary Criticism, Historical Scholarship and Literary Curriculum in Russian Highschool of 1860–1900s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 4(164), 161–176. Retrieved from: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/164_nlo_4_2020/article/22576/.

Vozhik 2023 — Vozhik, E. I. (2023). Fel'etony zhurnala "Sovremennik" i formirovanie publichnoj sfery v 1850-e gody [The Feuilletons of the *Sovremennik* Magazine and the Formation of the Public Sphere in the 1850s]. In A. V. Vdovin, K. Yu. Zubkov (Eds.), *Instituty literatury v Rossijskoj imperii: Kollektivnaja monografija* [Institutes of Literature in the Russian Empire: A Collective monograph] (pp. 151–173). Moscow: Publishing house of HSE.

Zykova 2005 — Zykova, G. V. (2005). *Pojetika russkogo zhurnala. 1830–1870*. [The Poetics of the Russian Magazine. 1830–1870]. Moscow: MAKS Press.

Ekaterina Vozhik

The Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-9310-6597

CHILDREN “BIG” AND “SMALL”: VASILY SLEPTSOV’S
FEUILLETON “FOR CHILDREN” IN THE CONTEXT OF THE
POLEMIC ABOUT CHILDREN’S LITERATURE AND EDUCATION
IN THE 1860S

The article analyzes Vasily Sleptsov’s feuilleton *A Spring Walk with Children Along the Streets of Saint Petersburg* (1863), part of the *Petersburg Notes* cycle. Addressed to progressive youth of the 1860s, the feuilleton is seen here as evidence of ongoing public debate about the role of childhood in shaping man and citizen, as it seeks to find the most appropriate way to write for and about children in a changing socio-political environment. The study examines the uniqueness of Sleptsov’s literary form. On the one hand, it could be described as a feuilleton; on the other hand, it reveals signs of various genres of children’s educational literature. This use of a genealogically complex form may indicate similarities in rhetorical strategies employed by writers and educators in discussions about younger generations, whether they be children or young adults. It is also suggested that in the 1860s, children’s literature and childhood discourse were influenced not only by literature for adult readers but also by the tradition of critical reflection. Sleptsov’s feuilleton can be considered an example of reverse genre transfer, as it explicitly demonstrates how narrative forms adapted by children’s literature influence adult literature.

Keywords: Vasily Sleptsov, feuilleton, educational literature for children, literary criticism, pedagogical criticism, educational policy